

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Теперь мы можем приступить непосредственно к теме нашего исследования. Но поскольку некоторые его моменты уже были обозначены в первой части, кое-где нам придется повториться. Прием предвосхищения выводов последующих глав и параграфов, чтобы лучше подготовить читателя к их восприятию, я буду использовать и дальше. Но должен вслед за Гегелем предупредить: «То, что я предварительно сказал и еще скажу, следует принимать и по отношению к нашей науке не за предпосылку, а за обзор целого, за результат того исследования, которым мы займемся, – за такой результат, который мне известен, потому что я уже знаю целое»².

Во второй части пойдет речь о системе основных категорий, принципов, идей и законов, а также периодизации, основных характеристиках каждого периода, соотношения формаций и цивилизаций и т. д. – словом, о том, что и составляет концепцию исторического процесса (по крайней мере, в моем понимании). Но поскольку объем обзораемого материала слишком велик, чтобы полностью охватить его в одном произведении, я назвал эту часть «Введение в теорию исторического процесса». В последней, третьей части будет дано теоретическое описание этапов этого процесса, которое наполнит схему большей жизнью.

Вторая часть разбита на два раздела, названия которых подчеркивают два последовательных этапа в разворачивании концепции. В первом разделе раскрывается смысл ряда принципов, подходов, категорий и законов, имеющих прежде всего методо-

¹ Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–6.

² Гегель Г. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 11.

логическое значение и объясняющих, из каких основ исходит автор в построении своей теории исторического процесса. Это делает ее содержательную сторону (во втором разделе) более ясной и емкой и позволяет строить мыслительную модель исторического процесса.

РАЗДЕЛ I. ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Этот раздел введен потому, что мы уже приняли мысль: познание не отражает реальность, а сложным образом постигает ее. Значит, и обоснование достоинств теории не в том, что она копия исторического процесса, а в том, что мы сумели построить модель этого процесса, которая позволяет лучше иных решать определенный круг проблем. А значит, нужно еще и показать, почему автор считает такие подходы наиболее удачными.

Я глубоко убежден, что, если ученый не будет стремиться объяснить (пусть не в тексте, хотя бы самому себе), почему и зачем он формулирует закон или вводит новый термин, на основании каких исходных принципов делает какой-то вывод, отчего предпочитает данный подход; если он не сумеет доказать, чем его положения лучше, а чем хуже отвергнутых; если он даже себе не признается, что какие-то моменты собственной концепции его не удовлетворяют, но он просто не знает, как быть с этими проблемами; если он не попытается спустить общую идею к конкретике, частный вывод – сопоставить с глобальным (и наоборот) и т. д. – его подстерегают серьезные ошибки, причем о многих из них он просто не догадается¹.

Сказанное относится и к практикам-исследователям. Правда, с ними нередко дело обстоит как с писателями, которые, благодаря таланту и интуиции, достигают успеха, но не в состоянии осмыслить механизм своего труда. Однако плох тот теоретик, который не может объяснить, почему он пришел к своим выводам и чем они лучше прежних.

¹ Поскольку читатель уже видел, каким образом подобные объяснения давались в первой части книги, ему легче понять, о чем, собственно, идет речь.

Равнодушие к этим моментам часто происходит оттого, что ученый убежден, будто действительность именно такова, какой он ее описывает, за исключением не очень важных подробностей. Он также может полагать, что «наши исходные предпосылки... находятся над и вне научных методов проверки теорий»¹. К сожалению, таких взглядов придерживаются многие.

Однако мы уже неоднократно видели, что хотя реальность и объективна, это не значит, будто и формулируемые нами идеи, законы и категории адекватно «отражают» ее. Ведь комбинация и группировка фактов и материала означают неизбежный «разрыв» единой реальности, и эта операция всегда обусловлена поставленной задачей, избранными методами и многими другими вещами, включая и особенности личности ученого.

Следовательно, вполне естественно, что отправные принципы и точки отсчета, а также подходы могут сильно различаться. Чем менее конвенциональны категории и законы науки (как в обществознании), тем это нагляднее. Однако, если мы это осознаём, у нас есть ясное понимание наших слабостей и возможность найти им компенсацию². Если же мы упорствуем в том, что наши формулировки на языке общих понятий и символов тождественны объективной реальности, мы впадаем в ограниченность и закрываем себе дорогу к более точному ее познанию. По сути, это означает непримиримую позицию, поскольку объективно существующий закон должен иметь лишь **одну верную** формулировку. Если же мы понимаем, что научный закон, объясняющий часть (сторону) объективной реальности, может быть **лишь более или менее** верным, мы спорим об **относительно** лучшем или худшем. И можем гораздо четче определить наиболее естественные и удобные комбинации и группировки для типологии или обобщения. Тогда перед нами открыт путь к

1 Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 254–255.

2 Недаром некоторые западные ученые говорят о тирании единого принципа объяснения социальных явлений (Канман) и о сознательном использовании парных концепций, чтобы избежать их случайного применения (Бендикс). (См.: Кудинов В. В. Историческая социология // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 124).

сравнению и интеграции разных теорий. Как только мы вступаем на эту дорогу, становится ясной и огромная важность методов определения ценности и истинности различных подходов и концепций, как путем самопроверки автором, так и с помощью критики¹. И будет очевидным, что, хотя априори все подходы и теории можно считать равноправными, фактически для признания их заслуживающими внимания нужно очень и очень многое, поэтому серьезных альтернативных концепций оказывается не столь уж и много. Я полагаю, что при прочих равных условиях (логичности, непротиворечивости, обоснованности и т. п.) особенно важно в этом плане обратить внимание на: а) совместимость с другими теориями и способность к интегрированию разных точек зрения, в том числе и за счет возможности охватить большее количество аспектов и уровней; б) способность к саморазвитию. Если любое изменение в фактических данных ведет к рассыпанию теории – это верный признак ее нежизненности. Напротив, серьезные доктрины могут постоянно корректироваться при сохранении базовых принципов.

Мне кажется, что для общественной науки наилучшим был бы путь поиска способов объединения и стыковки наиболее интересных (а в идеале и большинства) альтернативных теорий².

В этом плане задача не просто в том, чтобы противопоставлять одни подходы другим (скажем, формационный – культурологическому), что в определенной мере всегда неизбежно, сколько в том, чтобы найти их точки соприкосновения и нечто общее между ними (хотя бы и весьма абстрактное). А затем с помощью различных концептуальных и технических приемов объединить

1 «...Единственный путь, открытый перед социальными науками, состоит в том, чтобы забыть словесные перепалки и энергично взяться за практические проблемы нашего времени с помощью теоретических методов, которые в своей основе одни и те же для всех наук. Я имею в виду метод проб и ошибок, а также метод выдвижения гипотез, которые могут быть проверены на практике...» (Поппер К. Ук. соч., Т. 2. С. 256–257).

2 Иногда, хотя и достаточно редко, в трудах философов все же появляются идеи о том, что имело бы смысл «концептуально увязать множество конкурирующих между собой социальных идей и теорий» (Ющенко Ю. А. К вопросу о типологии и направленности исторического процесса // Социальная философия в конце XX века. МГУ, 1991. С. 121). Но конкретных шагов мало, а методологических обоснований таких процедур и вовсе почти нет.

в более широкую теоретическую систему. Это могло бы уменьшить количество бесплодных споров и помочь частично освободиться от крайностей во мнениях, позволило бы отсекал нелогичные концепции. Тогда удастся не отбрасывать каждый раз достижения, сделанные оппонентами, а как бы инвентаризовывать их, обосновывая возможности и пределы их правомерности и применения. И это будет не попперовский метод выживания самой подходящей теории посредством элиминации менее подходящих, а метод интеграции ряда теорий, посредством локализации сферы их применения, выработки системы правил соответствия и разворачивания, а также переходов от одних уровней, аспектов и точек зрения к другим.

В результате мы имеем шанс получить весьма широкую концепцию, которая путем надстраивания ряда общих принципов и правил позволит найти общий знаменатель для ныне противоположных взглядов. Однако она не будет прежнего типа жесткой суперконструкцией. Конечно, подобная задача не может быть выполнена не только одним человеком, но даже и целой школой. Это просто цель, к которой следует стремиться, ибо, когда она перед глазами, многие проблемы, вероятно, удастся решить. Мне думается, что именно на таком пути и могут быть преодолены те трудности, которые завели обществознание в тупик¹.

Поэтому-то я считаю важным говорить о таком варианте развития, показывать некоторые способы и примеры движения к нему. Конечно, со стереотипами, о которых шла речь выше, одной только логикой не справиться, тем более, что «мы узнаем о наличии у нас предубеждений лишь после того, как избавляемся от них»².

И тем не менее иного способа двигаться вперед, кроме аргументированной критики и предложения более рациональных ре-

¹ «Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственная подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи. – это всемирная история» (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 29).

² Поппер К. Ук. соч. Т. 2. С. 255.

шений, не существует.

ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Соотношение исторического развития человечества и отдельных обществ. § 2. Исходные положения и понятия для моделирования исторического процесса

Ни одна теоретическая система не может охватить всей сложности социальной жизни и даже не должна пытаться достичь этого.

Г. Мюрдаль

«Если мы сегодня постоянно слышим о кризисе исторической науки, то речь идет не столько об историческом исследовании ученых-специалистов, сколько о кризисе исторического мышления людей вообще. То и другое издавна расходятся». Поэтому необходимо «полное различие между техникой исторического исследования и мышления в области философии истории. Кризис принципиально связан со второй проблемой, лишь частично с первой»¹.

Если бы не знать, что эти слова сказаны много десятилетий назад, их можно было принять за сегодняшнюю злобу дня. Особенно на фоне увеличения влияния постмодернизма в истории. Однако и в западном, и тем более в отечественном общественном знании обычно не ставятся под сомнение результаты конкретных исторических исследований (это при необходимости хорошо делают коллеги-специалисты). Следовательно, проблемы вызывает не столько истинность основной группы фактов, сколько их интерпретация, возможность и правомерность достаточно широких построений, локализация того или иного общества или периода в историческом процессе и т. п. – словом, теоретизирование истории.

В российской науке в недавнем прошлом и сейчас ещеистики обычно упрекали философов в том, что те оторвались от

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 10, 14.

реалий и не дают хорошей теории. В свою очередь историков часто критиковали за то, что они не могут отвлекаться от эмпирики и не в состоянии в своих теоретических изысканиях видеть всю панораму всемирной истории. В самое же последнее время в связи с тем, что истмат перестал быть обязательной доктриной, перед которой надо расшаркиваться, расхождение между теорией и историей, с одной стороны, в чем-то уменьшилось, но с другой — в ряде моментов даже и увеличилось. Одни, намаявшись с марксистско-ленинской доктриной, вообще стали полагать идею глобальных обобщений не только не осуществимой, но и просто вредной. Другие подхватили (или «откопали») теории самого худшего свойства, третьи — сбились на эклектику. И т. д. Правда, появился и ряд достаточно широких концепций, в которых есть весьма ценные моменты и идеи. Но тем более досадно, что такие авторы придают методологии и обоснованию своих принципов слишком малое значение. В результате они полностью не достигают поставленной цели.

Налицо, таким образом, кризис историзма, выражающийся в неспособности адекватно решить на современном уровне как «вечные» проблемы, так и специфические для настоящего времени. Он выражается в отрыве от реалий и замыкании в схоластическом круге у одних, в научном и мировоззренческом пессимизме у других, и в прямом нигилизме, а то и просто хулиганстве — у третьих. При такой обстановке уходит из-под ног почва и у тех, кто продолжает верить в познавательные возможности теоретического и исторического знания, в том, что оно имеет и практическую ценность.

Такого рода кризисы имеют сложную природу, а причины их многочисленны. Но если говорить о чисто научных и методологических, то важнейшие среди них коренятся в ошибочных гносеологических основаниях двух ведущих доктрин, связанных с теоретическим осмыслением исторического развития: позитивизма и исторического материализма. Разумеется, я ни в коем случае не хочу приравнять их друг к другу. У них огромные различия и разный потенциал. Но они сходны в том, что обе (хотя в разной степени) страдают объективизмом и придают вопросам

эпистемологии малое значение¹. Поэтому-то хотя часть наших историков и теоретиков качнулась от истмата к позитивизму, в их исходных принципах изменилось не так уж много, ибо они фактически остались на почве объективизма.

Таким образом, идея о том, что историк познает реальность такой, какой она была на самом деле, подспудно продолжает жить. Вероятно, поэтому удар, нанесенный постмодернизмом, оказался столь болезненным. Но если уж под сомнение ставится правомерность выводов, которые делает историк, тогда тем более шаткими являются позиции тех философско-теоретических учений об истории и историческом развитии, которые полагают свои принципы и законы отражением объективной реальности.

Отсутствие удовлетворяющих исследователей крупных теорий, бесспорно, углубляет кризис. Но в еще большей степени ухудшает ситуацию то, что очень многие полагают, что такие обобщения изжили себя, не давая труда ясно и доказательно обосновать возможность или невозможность их создания и применения. Справедливые же замечания по поводу гносеологических и методологических ошибок отнюдь не свидетельствуют о ненужности генерализующих концепций исторического развития. Напротив, мы получаем шанс сделать их достаточно продуктивными только тогда, когда понимаем всю «механику» их построения, сознательно применяем к ним правила гносеологии, методологии и логики (а не полагаемся только на интуицию, шестое чувство и т. п.) и рационально отбираем необходимые приемы, методы и подходы.

Нигилизм в отношении крупных теорий препятствует разработке методологии их конструирования и правил применения. В результате многие ошибки оказываются просто запрограммированными и неизбежными. Ведь даже тот, кто согласился с необъективистскими исходными принципами, лишен нужного инструментария, чтобы последовательно провести их. А существующие методы и категории в их нынешнем виде мало при-

¹ Правда, в XX веке появились и концепции, гораздо больше обращавшие внимание на гносеологию (как и на методологию). Но зато они или отрицали возможности теоретического знания (а это путь в никуда), или до конца не изжили страх позитивизма перед широкими обобщениями.

годны для таких операций. Нужны методики выделения основных уровней и линий исследования¹, приспособленная к ним терминология, правила локализации теорий и многое другое, без чего невозможно продуктивно работать.

В этой главе подробно рассматривается одна из серьезнейших ошибок такого рода: неразведение всемирно-исторических и конкретно-общественных законов, тенденций и линий развития. Я обращаю на нее особое внимание, так как хотя такие взгляды присущи и многим западным ученым, но наиболее глубокие корни эти воззрения пустили у нас².

Читатель увидит, что для решения этой проблемы мало только принципиального согласия с постановкой вопроса и обоснования необходимости такого разграничения. Для этого также требуется уточнить терминологию, ввести ряд новых понятий, выполнить иные логико-методологические операции.

Первый параграф главы будет посвящен проблемам доказательств правомерности разведения всемирно-исторического развития и истории отдельных обществ, выбора средств для этого, второй – рассмотрению понятия исторического процесса и обоснованию тех методологических приемов, которые позволят нам его моделировать. В этой главе ряд терминов (генеральная линия, горизонталь, вертикаль и др.) для удобства я использую без кавычек.

§ 1. Соотношение исторического развития человечества и отдельных обществ

Итак, одна из важнейших причин неудовлетворительности крупномасштабных теорий заключается в стремлении видеть об-

1 Те же методологические работы, которые делались философами и частично историками об уровнях, аспектах и т. п. в 60–80-е годы, – при том, что там встречается немало интересных замечаний, в целом были подчинены идее апологии истмата (методологического его оправдания), а следовательно, и не могли дать чего-то принципиально нового.

2 Ведь «теория была словно овеществлена в доктрине, опыт – в окончательных законах и моделях, считавшихся пригодными на все времена и ситуации в истории. Реальная же действительность в ее конкретном движении зачислялась в категорию особенного, изображалась чем-то случайным и несущественным» (Лазар Ф. Марксизм и освобождение человечества // Марксизм и проблемы социального прогресса. М., 1986. С. 46).

цемировые законы, тенденции и этапы развития и в целом для человечества, и в его разнородных частях, то есть отдельных обществах и регионах, в основном однотипными¹. Таким образом, говоря словами М. Вебера, действительность подводится под схему в качестве экземпляра. Ложная простота, обманчивая ясность и логичность таких подходов манят ученых, несмотря на очевидность того, что сам метод науки «не допускает полного и окончательного доказательства»², особенно при приложении общего правила к конкретике. Как результат – бесконечные споры о правомерности претензий генерализующих обобщений, а также перманентная критика таких претензий.

Было бы полезным начать наши рассуждения с рассмотрения того, что в такой критике правильно, а в чем ее недостатки, чтобы яснее увидеть суть проблемы и способы ее решения. Для примера возьмем длинную цитату из работы одного видного западного экономиста. «Из великого множества исторических условий, этапов развития и событий, – пишет он, – эти теории выбирают и выдвигают на первый план определенные факторы, которые считаются существенными для развития. Кроме того, они предполагают наличие определенных взаимосвязей между изменениями в этих факторах и между ними и всей общественной структурой в целом. С логической точки зрения различия между их доктринами представляются как результат различий в указанном выборе действующих факторов и в их предполагаемых взаимосвязях. Все представители такого подхода до некоторой степени отдают себе отчет в его произвольности и пытаются оградить себя с помощью многочисленных оговорок. В действительности они часто располагают свой иллюстративный матери-

1 И это даже обосновывалось методологически. Вот, например, М. Я. Ковальзон говорил: «Закон науки – это абстракция. Он отвлечен от своего конкретного проявления, он всегда однозначен» (Философия и историческая наука // Вопросы философии, 1988, № 10. С. 33) (выделено мной. – Л. Г.). То, что закон, как научное построение, отвлечен от конкретного проявления, верно. Но как он может быть однозначным? Напротив, закон формулируется так, чтобы охватить массу не совсем, мало, а то и вовсе не сходных случаев. «Однозначный закон» как раз и толкает к трактовке того, что он одинаков в рамках как человечества, так и конкретных обществ и даже эпизодов.

2 Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С.135.

ал таким образом, чтобы показать различия в анализируемых ими исторических процессах. Однако, несмотря на такое понимание явлений и явно вопреки ему, все они убеждены, что их анализ с точки зрения этапов в общих чертах соответствует тому, о чем известно эмпирически. Они даже убеждены, что их анализ представляет собой вполне обоснованную теорию изменений общества, то есть развития.

Изложение стадий развития – от «более низкого» к «более высокому» – делает этот подход в целом телеологическим. Общими для этих различных подходов являются следующие три особенности: **неотвратимость, непредустановленная целенаправленность и предполагаемая оценка** (хотя и необязательно оценка автора). В силу своих телеологических построений, и особенно из-за своего исходного постулата о сходстве процессов развития в различных странах в разные периоды, весь подход имеет присущую ему тенденцию принизить значение политических течений или, вернее, придать им вид предопределенного хода событий»¹.

Аргументированность возражений очевидна: неучет (или недоучет) того, что любое выдвижение на передний план одного фактора ведет к односторонности, вера в неизбежность реализации законов; занижение роли личности и вообще активного момента; «натягивание» общей, генеральной схемы на все общества; игнорирование неудобных фактов; иллюстрация вместо ясных доказательств; постоянное использование общих понятий без четкого определения их смысла, своего рода гипноз перед этими терминами или даже «овеществление» и «одухотворение» их; смещение уровней и масштабов исследования и т. п.

Но, с другой стороны, и критик не вполне ясно осознает природу теоретического знания. В результате протест против ошибок в методологии перерастает в протест против глобальных обобщений в целом. Поскольку такое смешение характерно и для отечественных ревнителей «чистоты» и «свободы» истории,

¹ Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира. М., 1972. С. 545–546.

рассмотрим последнюю мысль подробнее. Постоянны возражения против применения общих понятий, будь то формации, рынок, тенденция и т. п. Но здесь видно непонимание того, что такое общая теория¹. А мы уже неоднократно говорили: она неизбежно излагает материал собственным языком. Конечно, его нежелательно слишком формализовать, но точно так же нельзя полагать, что широкую концепцию можно прямо прилагать к конкретике. Историкам кажется, что, «устранив» понятия, которые их раздражают, такие как «базис» и «надстройка», «функция» и «закон» и т. п., они «освободятся». Ничуть. Не только общая теория, но и они сами не смогут обходиться без генерализующих понятий.

То, что масштабная концепция страдает неизбежной односторонностью, непредвзятому аналитику совершенно очевидно. Таково ее свойство, таково вообще наше познание. Беда, когда, с одной стороны, теоретики начинают полностью отождествлять концепции и реальность, а с другой – когда под флагом борьбы с односторонностью начинают ратовать за отказ от теорий. Между тем если что-то не может быть полностью освобождено от какого-то недостатка, это не означает, что оно непригодно. Мало того, при ясном понимании такой недостаток можно даже обратить в достоинство. Мы всегда обязаны помнить, что теории огрубляют реальность, и стремиться их сделать точнее. В этом заложен неиссякаемый источник развития, но отказываться от них или разрушать их без замены – дело опасное.

В целом указанные ошибочные идеи продолжают (хотя и не так явно) господствовать в умах наших философов, хотя сегодня уже гораздо больше говорят о правомерности выдвижения на первый план разных критериев, о разных «срезах истории» и т. п. Проблема, однако, в том, чтобы от декларации перейти к практическому совмещению этих подходов, к объединению их в об-

¹ «Цель социологов — сделать максимально, до предела понятны то, что не было таковым в реальности, выявить смысл того, что был пережито, даже тогда, когда этот смысл в жизни людей не был осознан (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. 1993. С. 512).

сих теориях и т. п. Пока же постоянно натыкаешься на то, что даже авторы, вроде бы придерживающиеся верных принципов, на подсознательном или полусознательном уровне отождествляют общечеловеческие закономерности и модели и конкретные общества и считают, что ступени мировой истории суть также и этапы каждого отдельного общества.

Эти предубеждения препятствуют и ревизии устаревшего¹. Они дают на ученого, поскольку «априорные установки, заложенные в схему, односторонне ориентируют исследователей»².

И пока не будут изжиты такие взгляды, неизбежны теоретические тупики. Ведь законы развития человечества есть обобщение явлений совсем иного порядка и уровня чем в конкретных обществах, причем последние часто вместе вообще составляют разные моменты, стороны и частички мирового. Следовательно, общие теории нельзя просто использовать для частных случаев, и наоборот частные явления не обобщаются легко в широкие концепции. И в одном и другом случае нужны особые, достаточно сложные и тонкие процедуры и соблюдение ряда правил.

Теперь целесообразно посмотреть, почему мы вообще можем вести речь об общечеловеческом историческом развитии, об общечеловеческом единстве³.

Прежде всего, чем ближе к сегодняшнему дню, тем реальнее становится само понятие человечества и тем явственнее тесная

¹ Ибо они определяют теоретическую позицию даже очень серьезных ученых. Например, А. В. Данилова говорит: «Критический пафос следует направлять не на теорию общественно-экономических формаций, как таковую, а на те искажения, которым она подвергалась, начиная с рубежа 20–30-х гг.» (см.: *Философия и историческая наука // Вопросы философии*, 1988. № 10. С.48). Да ведь теория формаций изначально была не разделена между развитием всеобщим и страновым. Подобно сиаемским близнецам, эти две стороны были сращены уже при рождении! Значит, не об искажениях надо вести речь, а о том, чтобы последовательно разделять эти стороны. А это, как понимает читатель, требует пересмотра практически всей теории, каждой категории и вывода.

² Гуревич А. Я. *Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии*, № 11, 1990. С. 34.

³ Я не буду останавливаться на анализе многозначности слова «человечество». Кратко говоря, здесь оно используется в двух смыслах. По вертикали (этот термин и горизонталь разбираются в следующем параграфе) это «вся совокупность существовавших и существующих социально-исторических организмов» (Семенов Ю. И. *Секреты Клио*. С. 71), по горизонтали – совокупность только современных исследовательской задаче обществ.

связь даже самых разных и удаленных друг от друга обществ¹. Сначала человечество в плане действительного единства было только потенцией (идеей), затем постепенно, не без откатов и зигзагов, шло все более тесное объединение обществ самыми разными путями. Уже в XIX в. эволюционисты не без основания усматривали тенденцию к росту «солидарности». А в современное время интеграция становится мощнейшим фактором мировой жизни, поскольку сближение обществ ведет к универсализации их развития, уменьшению различий в моделях и вариантах. Результат сближения весьма часто начинает выражаться уже и в совершенно наглядных вещах (конгрессах, договорах и т. п.). Но, хотя «многие данные говорят о том, что универсальное единство истории на земном шаре (и вокруг него) сегодня является реальностью», однако это **ставшая** реальность. «Единство истории – это результат, а не что-то изначально гарантированное благодаря деятельности субъекта, который в процессе воспитания сам себя создает»².

Поэтому говорит о человечестве как **субъекте истории** правомерно только для самого последнего времени (не раньше XX века, когда появляются первые всемирные органы) и то лишь для отдельных процессов или ситуаций (например человечество против отдельной страны – Ирака), а не для всего исторического процесса, как это делают некоторые исследователи. Сам же факт мирового исторического процесса не требует наличия совокупного субъекта, поскольку вполне достаточно и того, что между субъектами — участниками этого процесса возникают различные взаимоотношения и данности, становящиеся для каждого из них некой более высокой реальностью³. Возникает система от-

1 «Сегодняшний мир постепенно, в ходе длительного процесса, идущего с XVI в., благодаря развитию техники, фактически стал единой сферой общения, которая, несмотря на борьбу и раздробленность, во все возрастающей степени требует политического объединения...» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 52). Со времени написания этих слов они стали только еще более актуальными.

2 Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. Антология / Составитель Ю. А. Киселев. М., 1995. С. 288.

3 Если уместно сравнение, то факт реальности коллективной игры совершенно не требует состоящего из всех игроков единого субъекта, напротив, такой «субъект» исключил бы возможность игры.

ношений, связей, общения, интересов и идей, коллективных органов и т. п., которые образуются из действий многих субъектов (хотя бы субъективно и не нацеленных на подобный результат). Эта система **надобщественных и межобщественных отношений и явлений** принадлежит всем вместе (хотя и не в одинаковой степени), но однако же и никому в отдельности¹. Поэтому такие коллективные вещи для разных их участников выглядят очень непохоже. И это свойственно не только современному состоянию дел. Всегда (с момента контактов хотя бы двух человеческих коллективов) множество явлений или их сторон было общим сразу нескольким (многим) субъектам и каким-то боком каждому в отдельности. Этот процесс превращения части конкретно-общественных действий и достижений в коллективные и составляет **одну из специфических черт собственно мирового развития**.

Таким образом, если рассматривать историю ретроспективно, а при анализе исторического процесса это неизбежно², нельзя усомниться в правомерности выделения особого общечеловеческого уровня.

Но раз единство стало реальностью, то, значит, к этому имелись потенции. Каковы они?

Во-первых, эволюционный отбор высеивал лучшие и уничтожал худшие с точки зрения их жизнеспособности. Таким образом, вырабатывались общие механизмы и качества. Отбор и эволюция так или иначе сближали (в самых разных аспектах этого слова) человечество. А роль отбора и эволюции потенциально запускалась, как только начиналась собственно история, то есть движение и развитие (заселение, переселение, перемешивание, войны, демографическое давление и демографический вакуум и т. п.). Из сказанного следует важный вывод о том, что

¹ Это напоминает то, что называют общественным сознанием. Оно есть результат деятельности многих, но принадлежит всем вместе.

² «Следовательно, материальная философия истории должна ограничиваться культурной средой наблюдателя и настолько пронизывать ее с точки зрения настоящего, чтобы весь процесс представал как ведущий к настоящему во внутренней непрерывности, а настоящее, в свою очередь, — как сформированное в своей глубинной структуре всем этим прошлым». (Трелья Э. Ук. соч. С. 63).

для каждого периода следует установить **меру и масштаб** человеческой интеграции, чтобы не впасть в крайности.

Во-вторых, между группами обществ существовали генетические и родственные связи, порой достаточно прочные, а на базе такой близости формировались и промежуточные уровни сближения человечества (региональный, цивилизационный, крупные империи и т. п.).

В-третьих, это сходство системное. Оно особенно важно в плане социологии истории. Но в плане реакций на определенные явления, возможностей роста оно весьма важно и для теории исторического процесса.

В-четвертых, это сходство самих людей и их потенциальных качеств. Однако они раскрываются только в определенных условиях, что является одной из причин неравномерности развития.

В-пятых, это сходство, связанное с контактами, а следовательно, заимствованием или навязыванием, интеграцией и прочим, что в последние столетия становится все более важным.

В-шестых, другие.

Итак, сходства в биопсихических качествах людей и их потребность объединяться в коллективы дают нам возможность сравнивать эти коллективы (как контактирующие, так и неконтактирующие), чтобы определить спектр общего и различного. Кибернетические и синергетические свойства обществ как систем показывают нам сходство в их реакциях на различные явления (внешнюю угрозу, кризисы и прочее). Их генетические связи позволяют выделять группы обществ (что в теоретическом плане важно как промежуточные уровни). Наконец, контакты и борьба обществ рождает исторический отбор и эволюционный путь развития, не принадлежащий ни одному конкретно обществу, но только их группам и всему человечеству. А в целом мировое движение к интеграции, собственно, и дает основание говорить об историческом процессе.

Теперь мы можем яснее обосновать, почему принципы исследования исторического развития человечества прямо не приложимы к истории любого общества и, следовательно, почему необходимо разделять в теории эти явления как существенно

различные.

Во-первых, это разные уровни абстракции: а) по исторической длительности. Очевидно, что диахронное существование человечества гораздо длительнее, чем аналогичное существование общественных организмов, которые возникают и умирают, объединяются и распадаются и т. д. Человечество и отдельное общество можно в определенном смысле представить как бесконечное и конечное. Очевидно, что и закономерности столь разных объектов должны быть существенно иными.

Можно согласиться с Тойнби, что «действующие силы истории не являются национальными, но проистекают из более общих причин. Взятые в своем частном национальном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и поэтому их должно рассматривать только в масштабах всего общества (то есть крупной цивилизации или всего человечества. – *Л. Г.*). В то же время различные части по-разному испытывают на себе воздействие одной и той же силы, ибо каждая из них по-своему реагирует на воздействие извне и ответно влияет сама»¹;

б) по составу и силе учитываемых нами законов. В каждом обществе одновременно действует целый ряд законов. При этом сила законов низкого уровня, воздействие случайностей и другое очень часто оказывается больше, чем действие общемировых законов². А это ведет к очень значительной специфике развития каждого общества, к тому, что одни развиваются по направлению, объективно ведущему в тупик, другие вынуждены стремиться к модернизации, которая искажает прежние соотношения и т. п.

Таким образом, можно сказать, что **общемировые законы развития, безусловно, преломляются в каждом обществе. Но преломляются часто очень специфично, равнодействующая**

1 Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 25–26.

2 По образному сравнению американских теоретиков, «законы больше подходят на мирный договор, где победитель может диктовать свои условия, но только такие, которые побежденная или потерпевшая поражение партия примет, предпочтя их дальнейшему сопротивлению. Если бы побежденная партия была полностью стерта с лица земли, то не было бы необходимости в каком-либо законе». Ибо «нет силы без сопротивления, нет действия без противодействия» (Коэн М. Р. Американская мысль. М., 1958. С. 58).

сил может вести общество совсем в иную сторону, чем мировой вектор. Поэтому для того чтобы приложить общемировые законы к истории любой страны и любого периода, необходимо последовательно спускаться по уровням обобщения и соблюдать целый ряд методологических правил, процедур и приемов;

в) по составу участников.

Во-вторых, они различаются в системном плане. При этом человечество выступает как целое, а каждое общество – как часть. А часть, как известно, не равна целому¹. Говоря по-иному, человечество может быть представлено как система, а отдельные общества – как ее элементы. При этом каждое общество выступает как часть (элемент) человечества, занимающая особое, специализированное место в общей системе. Общества отличаются: а) по тому, находятся ли они в центре мира или на периферии; б) колонии они или метрополии; доноры или реципиенты; в) по влиянию войн на них; г) месту в политическом и экономическом разделении труда; д) по тому, самостоятельно они переходят в новый этап или их реформирование происходит под воздействием более передовых соседей или даже насильственно; е) по культурным, цивилизационным и этническим признакам; ж) по географической среде²; з) по многим другим. Причем эти моменты совершенно нельзя отбросить как неважные, иначе главное в истории любого общества может быть не понято. Тогда, по словам А. Я. Гуревича, историческая конкретика окажется не более чем «помехой» для развертывания генерализующих категорий, а ход истории без затруднений «выпрямится» и резюмируется в «естественно-исторических» общих законах³.

В-третьих, специфика социальной реальности такова, что ее развитие все время усложняет как сами общества, так и их мировую систему. Следовательно, и исторические законы модифици-

1 «Не могут части развиваться по тем же законам, что и целое. Из теории формаций нельзя выводить прогнозы развития конкретного общества...» (Алаев Л. Б. // Формации и цивилизации. – Вопросы философии, 1989. № 10. С. 36).

2 Так, А. Тойнби говорит, например, что «изолированность Англии является, возможно, наиболее значимым фактом» ее истории (Тойнби А. Ук. соч. С. 22).

3 Гуревич А. Я. Ук. соч. С. 42.

руются, что тем более требует разграничения между их полной формой и частными проявлениями.

В-четвертых, мы видим, что общества развиваются в разных направлениях. Прорыв в новое качество осуществляют лишь отдельные из них, обладающие особыми качествами и преимуществами. За ними следуют другие, способные быстро перенять что-то и во многом уже подготовленные к прорыву. Значительная же часть обществ не в состоянии сама осуществить такой рывок по самым разным причинам (зашло в тупик, утратило потенции, слишком специализировано, устойчиво и т. п.). Они иногда гибнут, иногда все сильнее отстают или замыкаются, уходят в сторону от перспективного пути развития, могут объединяться или распадаться и т. д. Но некоторые под внешним воздействием начинают модернизацию. Чем очевиднее преимущества авангарда человечества, тем больше таких обществ, но формы и способы трансформации могут быть самыми разными, причем это также зависит и от степени отставания.

В любом случае очевидно, что страны, вырвавшиеся вперед как более развитые, сильные или мощные, неизбежно изменяют развитие отставших, где прямо насильственным путем или путем поглощения, колонизации, где экономически, вовлекая в свою орбиту, где становясь примером для подражания. В этом плане вся история – борьба плюрализма и унификации форм и институтов.

Важно отметить, что «общество, возглавляющее процесс развития человечества, на следующем этапе может оказаться отстающим. Каждая система стремится укрепиться, но нередко совершенствуется в сторону исторического тупика. И, наоборот, общество, содержащее значительное число несистемных элементов и потому структурно «слабое», имеет большие шансы выйти на следующий этап»¹.

Таким образом, процесс перехода разных обществ к более высокой стадии не только очень сложен, неравномерен и чреват социальными взрывами. Но этот процесс во всемирном масштабе не сводим к развитию составляющих его обществ. Ибо переход каждого социального организма к новому есть лишь частичка об-

¹ Алаев Л. Б. Ук. соч. С. 37.

щего движения, отличная от других частичек уже потому, что история каждого общества специфична из-за занимаемого им места на мировом эволюционном «дереве». Поэтому при анализе исторического процесса часто не требуется принимать во внимание многие вещи, очень важные при анализе отдельного общества (особенно это касается субъективных и случайных факторов).

В-пятых, когда мы сравниваем общества по горизонтали как социальные системы, достигшие определенного уровня развития (при этом их прогрессивность и степень контактов нас интересует меньше), мы можем выявить у них определенные общие черты. Однако эта «сущность»: а) в каждом случае присутствует в самой разной пропорции и комбинации; б) может не быть главной по сравнению с особенностями общества; в) в абстрактном виде это общее шире, чем в конкретном, так как вбирает в себя и такие качества, которые у каждого отдельного случая могут и отсутствовать (но у суммы всех случаев они есть); г) по степени точности, жизненности, неразрывности разных качеств абстрактное сходство, конечно, уступает конкретной ситуации.

Поэтому очевидно, что и в таком горизонтальном аспекте (в котором, в отличие от вертикального, мы отвлекаемся от прогрессивности-тупиковости) законы, категории и принципы общечеловеческого уровня не относятся прямо к истории ни одной страны, ни одного общества.

Итак, хотя определенным (а часто и непосредственным) образом история человечества и любой отдельной страны соотносятся между собой, однако это соотношение не есть прямая проекция общего на частное, не есть прямое отражение общего в частном, а только сложное, не прямое соотношение.

Отсюда мы делаем два крайне важных методологических вывода. Во-первых, раз законы, степень абстракции, уровни обобщения, движущие силы, масштаб и тому подобное очень существенно различаются при описании и анализе всемирно-исторического и конкретно-общественного развития, то правомерно предположить, что и абстрактно-логические и языковые средства также будут различаться. Собственно, любой, кто этим занимался и вдумывается в суть проблемы, согласится, что даже если он применяет одни и те же категории, то фактически содержание их

на разных уровнях сильно различается. А в некоторых случаях и вовсе нельзя не использовать разные средства. Но если эту мысль развить до конца и провести логические следствия из нее, то мы убедимся, что **совершенно необходимо разделить научные категории, используемые для анализа исторического процесса человечества в целом и исторического движения отдельного общества.** Употребление же для этих полярных уровней одних и тех же категорий не только запутывает дело, но и фактически лишает ученого инструмента, с помощью которого он мог бы их продуктивно исследовать.

К числу категорий, которые применимы лишь для анализа конкретного общества, на мой взгляд, целесообразно отнести такие, как базис и надстройка, производительные силы и распределительные отношения, общественное бытие и общественное сознание, и ряд других. Мы уже видели, что их можно успешно использовать для анализа общественной системы как в рамках социологии истории, так и исторического развития отдельных обществ и их группировок. Но если масштаб их применения ограничен, очевидно, что их нельзя рассматривать как составляющие способа производства и общественно-экономической формации. Ведь последние понятия рациональнее относить только ко всемирному уровню.

Отсюда вытекает, что необходимо найти такие категории, которые объединяли бы сходные черты достаточно фундаментального характера отдельных подсистем обществ. Но, помимо этого, подобные термины должны еще показывать и определенную ступенчатость этого свойства, то есть его историческое развитие, которое можно выразить в определенных этапах и периодизации. Примерно так, как это сделано в понятии «способ производства материальных благ», смысл которого подразумевает поступательное качественное циклическое движение в определенной области жизни. Тогда эти новые категории явились бы в рамках теории исторического процесса более высокой абстракцией к терминам «производительные силы», «распределительные отношения», «политическая система» и другие.

Кроме выработки таких понятий, необходимо уточнить содержание старых, общепринятых, а также дать более четкую харак-

теристику аморфным. Однако в целом вся понятийная система должна быть совместимой, чтобы можно было достаточно легко перейти от блока терминов, скажем, социологии истории к блоку терминов теории исторического процесса.

Во-вторых, теорию исторического процесса не имеет смысла подстраивать, подпирая кое-где старые концепции или изобретая теории для конкретного случая; ибо расшивка каких-то узких мест ведет к появлению «дырок» в других; подгоняя под особенности отдельных регионов (например, сегодня модно стало представлять все мировые процессы в двух моделях: восточной и западной). Общую теорию исторического процесса надо надстраивать, то есть последовательно разводить мировые и страновые явления, одновременно определяя методы перехода от одних к другим. О возможности обобщить эти полярные уровни в еще более широкой концепции будет речь в следующем параграфе.

Есть смысл сказать еще о промежуточных уровнях. Во-первых, стоит отметить, что фактически в теории исторического процесса не всегда рассматривается все общечеловеческое пространство. Этот предел нужен, когда мы обзираем весь исторический процесс от начала до конца сразу. В иных случаях он может и не потребоваться. Для охвата и анализа меньших объемов можно вести речь о межформационном пространстве, например, анализируя одновременно такие периоды (в привычных терминах), как феодализм и капитализм. Затем мы переходим к формационному пространству. Оно никогда не соответствует мировому пространству определенных рамок, поскольку всегда есть маргинальные народы и территории. Но, кроме того, формационное пространство сильно колеблется в зависимости от стадии формации. На ее последних фазах оно в несколько раз больше, чем на первых, когда оно охватывает лишь отдельные регионы. К этим слоям высшего уровня, которые иногда и не требуется различать, нужно добавить еще формационное фактическое (синхронное) и формационное теоретическое (диахронное) пространства.

От высших уровней мы уже можем спускаться к промежуточным, средним. Задержимся немного на этом моменте. Дело в том, что очень часты советы и даже требования к историкам и теоре-

тикам работать прежде всего с теорией «среднего уровня»¹. Причины этого понятны: жесткая генеральная схема слишком искажала реалии, поэтому те, кто не желал вовсе расставаться с теоретическими моделями, хотел найти более приемлемые и приложимые к практике. Однако, во-первых, большинство из тех, кто ратует за теории «среднего» уровня, глубоко не представляет, что же это такое. Между тем этих уровней, по крайней мере, три-четыре, причем как горизонтальных, так и вертикальных (для региона, общества, его подсистемы, и ее составляющих, и для каждой ступени, этапа, подэтапа и пр.).

Во-вторых, между средним уровнем и уровнем общества (а тем более эпизода, эпохи, части общества и т. д.) все равно нет прямого соответствия, и использование этих моделей также потребует значительной методологической проработки. К сожалению, последняя часто отсутствует. Нежелание создавать инструментарий перехода от уровня к уровню весьма заметно, например, у сторонников цивилизационного подхода. Они умудряются одновременно говорить о цивилизации как уровне общечеловеческом, о локальных цивилизациях, об обществе как цивилизации да еще и о конкретном (или абстрактном) человеке цивилизации. И все это может быть запутано нечеткостью терминологии. Следовательно, эти теории должны органически включать и различного «радиуса действия» методики, в идеале собирающиеся в более широкие принципы.

В-третьих, и сами по себе эти теории среднего уровня не папаца, если у нас нет возможности связать их между собой и с более широкой концепцией, которая, надстраиваясь над ними, создает, фигурально выражаясь, крышу.

В-четвертых, систематическая работа в этом направлении очень скоро выявит, что массы нужных теорий «среднего» действия просто нет и их нужно создавать. Но разумнее разрабатывать их, опираясь на общие принципы и концепции, а не бессис-

¹ «Какого «масштаба» и «ранга» познавательные категории пригодны в нашем исследовании – общефилософские и предельно генерализирующие или же «теории среднего уровня», идеально-типические модели, которые строятся, исходя не из глобальных конструкций, а вбирая в себя опыт исторического исследования?» – спрашивает А. Я. Гуревич (Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии, 1990, № 11. С. 42). И он склоняется, конечно, ко второму варианту.

стемно и наощупь.

В данной работе, кстати говоря, кое-что о теориях среднего уровня будет сказано. Когда пойдет речь о структуре формации, мы проследим, как можно будет переходить к более низким уровням. Также анализируется и понятие «пространственно-временных группировок обществ», которое, на мой взгляд, есть классический пример среднего уровня. И среди этих группировок особое внимание я уделяю, естественно, цивилизациям.

Таким образом, мы видим, что число уровней велико, в принципе бесконечно, подобно тому как в математике между двумя любыми числами можно поместить любое количество чисел. Конечно, на практике, стремясь к экономии, мы избираем оптимальное количество таких уровней. Но при этом для каждого заметного уровня необходимо четкое разграничение смысла используемых терминов, а иногда обязательны и различные категории, подчеркивающие специфику познаваемого объекта.

§ 2. Исходные положения и понятия для моделирования исторического процесса

Итак, процессы, происходящие на всемирном и конкретнообщественном уровнях, различаются не только масштабом и объемом, но и, условно говоря, «сущностью». Конечно, они очень тесно связаны между собой, но связь эта не прямая, а опосредованная, поэтому они не сводимы друг к другу и из одного уровня легко не выстраивается другой. Следовательно, для их анализа нужны хотя и взаимосвязанные, но разные категории и законы. Отсюда ясно, что мировой исторический процесс правильнее анализировать с помощью особой теории исторического процесса, отличной не только от социологии истории¹, но и от теорий развития исторических обществ. Но раз так, встает необходимость более точно определить область ее исследования и применения. Это и будет задачей настоящего параграфа.

Громада фактов, если она не укладывается в систему, сильно затрудняет наше восприятие. Именно поэтому ученые так держатся за концепции, хотя и устаревшие, но ясные. Задача теоре-

¹ Чем они отличаются, мы уже неоднократно говорили, поэтому в данном случае я этот момент опускаю.

тика не поиск новых фактов, а более глубокое и логичное объяснение уже известных, когда благодаря новому взгляду нагромождение информации приобретает стройность и внутреннюю логику. Если, по словам Арона, профессия социолога заключается в том, чтобы подать социальный или исторический материал более осмысленным, чем он был в опыте реальной жизни¹, то «профессия» теоретика заключается в том, чтобы подать факты, добытые другими, более осмысленными, чем они есть в работах историков (разумеется, применительно к нашему масштабу и аспекту). И в нашем случае теория исторического процесса, используя мысль одного ученого, будет одновременно синтезом и интерпретацией истории.

Таким образом, нам «не надо устремляться на поиски новых фактов; напротив, для нашего исследования существенно то, что мы не стремимся узнать с их помощью что-то новое. Мы хотим понять нечто такое, что уже открыто нашему взору. Ибо нам кажется, что как раз этого мы в каком-то смысле не понимаем»².

Марк Блок говорил, что в истории нельзя постулировать причины, их нужно искать. Это бесспорно. Однако общая теория исторического процесса позволяет, во-первых, предположить эти причины и уменьшить зону их поисков, а во-вторых, сделать некоторые факты более ясными или по-новому увидеть их.

Однако для этого такая теория должна отвечать ряду требований. Например, исключительно важно соблюсти баланс между исторической и современной позицией. С одной стороны, важнейшая объективная причина, толкающая нас к выделению особой теории исторического процесса, заключается во все большей интеграции человечества и приобретении им черт субъекта истории. Поэтому мы никак не можем абстрагироваться полностью от сегодняшнего положения дел. И эта практическая потребность, влияющая на всякое историческое суждение, по мысли Б. Кроче, придает истории свойство быть «современной историей». Но на нынешнем этапе процесс не кончается. Теоретически же он бесконечен и неисчерпаем, а мы всегда знаем

1 Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 511.

2 Витгенштейн Л. (Цит.: Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону. 1995. С. 481).

только часть его. Следовательно, с развитием человечества представления о нем неизбежно будут меняться коренным образом, так же как и аспекты его моделирования. В XIX веке вряд ли кому пришла бы в голову мысль, весьма популярная в настоящее время, представлять исторический процесс как развертывание все более сложных систем хранения и передачи информации, связи и управления.

С другой стороны, учет ретроспективы не может и не должен вести к тому, что вся предыдущая история превратится в предысторию сегодняшнего дня. Такой подход, иногда весьма полезный, в нашем случае нарушит пропорции, исказит закономерности исторического процесса. Чтобы этого избежать, необходимо определить масштаб и меру интеграции для разных периодов (смотрите предыдущий параграф). А для такой операции нужны, в свою очередь, надежные основания, особые процедуры и средства. Важнейшим из них в этом плане является периодизация, которой мы в свое время уделили большое внимание. В ее основу будет положено понятие общественно-экономической формации. Но только если ее полагать не «социальным организмом», не обществом на определенной фазе развития, а моделью огромного этапа развития всего человечества или его наиболее продвинутой части.

Важно также учитывать, что не только всемирно-исторический процесс не сводим к истории отдельных обществ, а представляет собой некое особое качество, но и его этапы не сводимы к этапам развития отдельных обществ. И, следовательно, периодизация всемирного процесса непосредственно относится прежде всего к нему, а к отдельным обществам – не прямо.

Поскольку ни одна теория не может охватить даже свой участок действительности тотально (тем более, что надо использовать еще и экономные мыслительные средства), для того чтобы возможно лучше понять исследуемую реальность, необходимо найти наиболее удачные точки отсчета, группировки фактов и связей, наиболее естественные этапы, не забывая, что мы используем особые средства, которые могут быть приложены к действительности только особыми же и строгими способами.

Здесь кстати вспомнить мысль Арона, что настоящие проблемы теоретизирования по поводу истории касаются способа установления отношений между суждениями, построения терминов, плоскости, где разворачиваются описываемые закономерности. Строже говоря, поставленные задачи требуют удачного совмещения двух противоположностей: стремления к объективности, каковая в нашем случае есть достаточно точно установленные исторические факты, частные концепции и правдоподобные гипотезы¹, с одной стороны, и неизбежности условности, которая вытекает из необходимости втиснуть громадный материал в ограниченное теоретическое пространство. Совмещение этих задач при удаче позволяет выявить определенную логику как в самих событиях и фактах, так и в избранном аспекте анализа².

Достигнуть указанного соответствия невозможно без обращения к методологии. Поэтому надо отказаться от идеи универсальных методов, пригодных везде и, так сказать, естественных³. И самый широко употребляемый метод к каждой области и даже к каждой задаче требует «подгонки». Он должен соответствовать всему комплексу параметров (материалу, объему, задаче и т. д.). Система же методов должна включать в себя правила и процедуры перехода от одного к другому и условия такого перехода. Как справедливо отмечал Башляр, «метод образует единство с его применением. Даже на уровне чистой мысли раз-

1 Разумеется, в рамках историографии многое из этого может иметь не совсем доказательную силу либо быть оспорено и – чаще – по-другому интерпретировано. Но для того, кто моделирует исторический процесс, или надо признавать это в основе реальностью с учетом возможной коррекции, или отказываться от самой задачи.

2 «Признать что-либо реальной вещью или событием – значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами (языкового. – Л. Г.) каркаса», – утверждал Р. Карнап (Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 301).

Я не думаю, что это полностью правильно. Однако полагаю, что если некие, неудобные прежде, факты или явления удачно помешаются в новую концепцию и становятся органичны ей, это косвенное доказательство силы данной теории и реальности указанных вещей (но реальности не в смысле особой сущности).

3 Г. Х. фон Вригт считал, что «одной из догм позитивизма является *методологический монизм*, то есть идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования...» и что позитивизм примыкает к той длительной и разветвленной традиции в истории мысли, которую он называет галилеевской (Цит.: Современная философия: словарь и хрестоматия. С. 481).

мышление о методе должно оставаться активным»¹.

Для того чтобы определить предмет, рамки, поле (область) применения того направления, которое можно назвать теорией исторического процесса, чтобы она в данных условиях соответствовала известным фактам, нужно очертить ее границы². А для этого сначала следует сопоставить эту теорию с другими, так или иначе изучающими ее область, определить, что такое собственно исторический процесс, совершить еще ряд логико-методологических процедур.

Поскольку понятие «исторический процесс» многозначно, разные авторы вкладывают в него и разный смысл³. Некоторые под ним понимают совокупность всех общественных отношений, иные только поступательное развитие общества. Я не думаю, что в рамках наших задач это правильно. Не могу также согласиться с тем, что «исторический процесс — это в основе своей деятельность людей»⁴. Разумеется, кроме чисто природных явлений, все события связаны с деятельностью людей, но только малая часть этой деятельности превращается в качественное развитие, а исторический процесс и есть то, что мы описываем как качественное развитие.

Главное, что не удовлетворяет во всех этих подходах, — неразведение мирового и общественного уровней развития.

Что же есть исторический процесс в моем понимании? Во-

1 Башляр Г. Новый рационализм. С. 124.

2 Но, конечно, причины, по которым я настаиваю на более или менее определенных границах, совсем иные, чем те, о которых говорит Алекс Инкельс. Он пишет: «Отсутствие твердой уверенности в своих знаниях служит, по-видимому, причиной того, что представители социальных наук тратят столь много времени и энергии на определение «границ» своих областей исследования, как будто каждая из этих областей является какой-то священной землей, которую необходимо оборонять от агрессивных, варварских и языческих захватчиков». (Инкельс А. Личность и социальная структура // Социология сегодня. М., 1972. С. 271). Дело, конечно, не в том, что я считаю себя специалистом во всех областях, это и невозможно, и не нужно. Разница в том, что ученые, о которых идет речь в цитате, настаивают на «абсолютных» границах, а я веду речь о границах относительных и ситуативных, таких, от которых достаточно легко при наличии правил перейти к другим. Тем не менее, отказ от границ вообще — это отказ от возможности адекватно решать проблемы.

3 Например, В. О. Ключевский говорил, что историческим процессом может быть названа «смена людских союзов» (См.: Основы философских знаний. Хрестоматия / Сост. В. П. Алексеев и др. М., 1993. С. 90).

4 Барулин В. С. Социальная философия. М., 1993. Ч. 1. С. 224.

первых, речь идет о всемирно-историческом процессе. Нотам, где мы говорим лишь о генеральной линии развития или о переходных, молодых стадиях, фактически речь идет о формационно-историческом процессе. Поэтому ясно, что, с одной стороны, понятие «исторический процесс» по объему намного больше, чем отдельные общества, но с другой – совсем не обязательно охватывает все общества, а ту их совокупность, которая достаточна на каком-то этапе, чтобы обозначить общемировую тенденцию развития.

Во-вторых, по времени исторический процесс не включает в себя период антропогенеза, поскольку главными в нем выступали, скорее всего, биологические движущие силы, природа которых пока в наиболее важных моментах непонятна. Следовательно, это есть до- или предыстория, как бы ее ни называть. С появлением же *Homo sapiens* общепринято считать, что биологические факторы идут на убыль и потому где-то уже ими можно пренебречь, не рискуя слишком сильно ошибиться. В-третьих, очень важно понять, что всемирная история и исторический процесс, хотя и охватывают по границам сходные предметы исследования, но они не равны и не синонимичны ни по объему, ни по содержанию, ни по назначению, ни по методам.

И на это стоит обратить внимание уже потому, что, хотя понятие «исторический процесс» весьма употребительно, в справочных изданиях как специальный термин оно отсутствует и заменяется понятиями «история», «всемирная история» и т. п.¹ Однако сравнив категории «история» (или «всемирная история») и «исторический процесс», мы увидим, что первая существенно шире второй. Хотя бы потому, что всемирная история включает в себя множество событий и фактов, которые не повлияли (или мало повлияли) на мировой процесс, либо мы недостаточно об этом знаем², а также историю тех народов и обществ, которые

¹ Например: «Всемирная история как единый всемирно-исторический процесс отражает общие закономерности, присущие развитию человечества» (Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 782).

² Конечно, в принципе можно считать, что в мире все взаимосвязанно и любое событие может влиять на любое. Но следование этому принципу убивает возможность всякого анали-

остались в стороне от «столбовой дороги» общечеловеческого развития. История ряда обществ вплетается в исторический процесс, только когда они были открыты для передовых стран и насильственно втянуты в развитие.

Таким образом, исторический процесс есть только часть всемирной истории, причем представленной в определенном аспекте: не как механическая сумма историй народов и обществ, а как процесс все большего их сближения, как движение от прошлого к настоящему и в перспективе к близкому будущему, связанное с интеграцией, специализацией и дифференциацией обществ и регионов. Но такое сближение – исключительно сложный и немеханический процесс, а вклад разных народов в него колоссально различается. Превращение достижений отдельных обществ во всечеловеческое достояние идет избирательно, в жесткой борьбе, в насильственном навязывании образа жизни одних другим и т. д. При этом не стоит забывать об изменении значимости движущих сил развития на разных этапах, а также о том, что чем ближе к современности, тем сильнее скорость развития и роль нового, возникшего и утвердившегося в определенной модели, а следовательно, меньше самостоятельных центров развития.

В-четвертых, в давние эпохи прежде чем качественное развитие становилось достаточно заметным и наглядным, могли проходить века, а то и тысячелетия. Но даже и при таком медленном темпе, чередующихся периодах застоя, упадка и подъема, можно ретроспективно видеть процесс, поскольку «в этом огромном континууме великие потрясения способны распространяться от самых отдаленных молекул к ближайшим»¹.

В-пятых, однако, само понятие процесс есть такая абстракция, которая, помимо сложных гносеологических пояснений и учета ретроспекции, требует от исследователя акцента именно на движении, часто и придающем цельность разновременным

за, а в нашем случае мы должны обязательно производить такое деление по степени важности причин.

¹ Блок М. Ук. соч. М. С. 26.

явлениям. Поэтому исторический процесс не тот объект исследования, где можно отвлечься от изменений¹. Напротив, именно они составляют его специфику, но также и наибольшую трудность в объяснении причин прорывов в одних местах и застоев – в других, расцвета одних стран и упадка других и т. п., словом, всего того, что нередко кажется неуловимым, необъяснимым и бесконечно спорным.

Однако будет правильным несколько задержаться на понятии процесса (применительно, конечно, к нашему объекту). Глубже вникнуть в его содержание важно, чтобы яснее увидеть, какие подходы и средства необходимы для его анализа, какие методологические проблемы можно предполагать заранее. Необходимо также установить этапы прогресса, его начало, кульминацию, сегодняшнее состояние, развитие в будущем или его конец. Поэтому не могу согласиться с мыслью Карсавина, вытекающей из его общего подхода о связи истории с Творцом: «Отрицая начальный и конечный моменты развития, мы признаем его центральный момент, благодаря чему получаем возможность периодизировать и познавать исторический процесс»².

Вряд ли можно правильно судить о процессе, не определив его генезиса. Кроме того, чтобы оттенить выделенные тенденции, желательно (конечно, с большой долей осторожности) показать возможные (видимые сейчас) изменения на ближайшее будущее. Иначе мы теряем перспективу. Конечно, теория «не просто предсказание того, что может случиться в гипотетическом будущем. Теория прежде всего есть объяснение того, что уже случилось и совершается сейчас»³. Однако нередко предсказание просто исходит из того, что «процесс, который начался и уже идет достаточно долго, будет продолжаться и должен закончить-

1 «Смысл истории и жизни содержится в их становлении и течении», – говорит Манхейм (Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 29). Насчет смысла жизни говорить сложно, но что «смысл» понимаемого нами исторического процесса (если, конечно, корректно о нем вообще говорить) именно в его «становлении и движении», очевидно. Процесс вне движения – абсурд.

2 Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 273.

3 Burnham J. The Managerial Revolution. N. Y. 1941. P. 75.

ся»¹.

«Процесс – это не просто множество рядом расположенных точечных событий, а именно движение от события к событию, движение, в ходе которого каждое последующее событие диалектически отрицает предыдущее. Процесс не завершается до тех пор, пока в ходе последовательных отрицаний не возникают такие события, которые образуют уже противоположность начальному состоянию процесса, то есть до тех пор, пока различие двух ближайших событий не превратится в противоположность достаточно отдаленных друг от друга событий»². Сказанное частично верно, хотя есть и незавершенные, и обратные, и обратимые процессы. Главная же проблема в том, что процессы никогда не идут в чистом и отсепарированном виде. Следовательно, коренная трудность и заключается в том, чтобы «отобрать» именно те «точечные» события, которые, по нашему мнению, важны для этого процесса, не случайны ему, а необходимы. Это частный случай соотношения законов, реальности и познания. Лишь некоторые процессы имеют четкие маркеры. А поскольку в истории масса процессов уникальных, постольку неизбежны дискуссии о том, что в них было закономерным, а что – случайным.

Если же историю представить «не только как бесконечное множество событий, но и как бесконечное множество процессов»³, то тем более проблемы моделирования, схематизирования выделенных направлений из бесконечного числа процессов становятся актуальными. Здесь хорошо видно различие между понятиями всемирной истории как совокупности океана событий и явлений и исторического процесса как предельной модели единства этих событий, как теории, «которая проясняет ответ на нашу центральную проблему»⁴. Отсюда отбор и комбинирование фактов, установление рубежей и акцентов приобретают осо-

1 Ibidem.

2 Периодизация всемирной истории. Казань, 1984. С. 7.

3 Там же. С. 8.

4 Burnham J. Op. cit. P. 71.

бую значимость¹.

Однако процесс процессу рознь. Поэтому можно посмотреть, какие у нас основания говорить об историческом процессе, как имеющем определенное направление и показывающем качественное развитие, а не, скажем, о круговороте, беспорядочном, хаотичном движении, неопределенном числе разнонаправленных линий и т. п. (О многом уже сказано в главе о движущих силах и прогрессе). Первое основание заключается в том, что при спорности прогресса морали и некоторых других вещей налицо количественное и качественное развитие и рост во множестве сфер, начиная с численности населения и кончая скоростью и объемом передачи информации. Второе – указанное движение ко все большей интеграции. Третье – весьма заметная нивелировка различий в образе жизни, мировоззрении и пр. Четвертое – возможность историческое движение представить в виде крупных этапов, имеющих общие процессные черты (независимо от того, какое основание для периодизации избирается). Пятое – возможность постулировать ряд закономерностей или хотя бы тенденций. Шестое – определенная системность разных сфер, составляющих части мирового исторического развития (мировых производительных сил, политического и этнического развития, социального и т. д.). Хотя эта системность и не столь тесного плана, как на уровне реального общества, но, однако, достаточно очевидна (о чем мы еще будем говорить), а в определенном смысле можно иногда говорить об инвариантности этих сторон всемирного процесса друг другу. Кроме того, имеется и иного рода системность, поскольку среди обществ существует распределение ролей. Седьмое, мы можем говорить и о единой линии развития человечества, которая, хотя и сосуществует с рядом других линий исторического движения обществ, но в определенном плане признается нами главной, генеральной, поскольку мы видим, как наиболее развитые общества и регионы тем или иным способом подтягивают к своему уровню и своей модели остальных, раз от раза уменьшая принципиальные различия в

¹ «Как можно без предварительного отсеивания сделать предметом рационального познания феномены, имеющие между собой лишь то общее, что они несовременны нам?» (Блок М. Ук. соч. С. 16).

моделях развития. Есть, конечно, и другие основания.

В исследовании исторического процесса, как очевидно, существуют две крайности. Во-первых, такой анализ может тягостить по построению к «жанру» всемирной истории с использованием преимущественно средств историографии. Во-вторых, быть настолько схематичным и жестким, что отбросит как несущественное слишком важные или слишком многочисленные моменты, не дав им нужного и адекватного объяснения. Иными словами, тут могут спорить вечные антагонисты: исторический и логический методы.

Безусловно, без логического метода невозможно никакое осмысление исторического процесса, поскольку наше мышление неизбежно «упорядочивает» реальность, а иной раз, когда явления легко не раскладываются, в определенной мере осуществляет над ней насилие, группируя факты, события и результаты так, чтобы их легче было понять и объять. Однако нельзя абсолютизировать логическое, как якобы более важную в онтологическом плане «сущность», а следует выводить сущность из существования, иными словами, невозможно игнорировать ситуацию, когда факты очевидно не «подчиняются» теории. Надо либо по-иному их группировать и интерпретировать, либо менять теорию.

Между тем в нашей философии истории по традиции полагают, что логический метод – это тот же исторический, только освобожденный от исторической формы и случайностей, что первый есть отражение второго, но отражение, «исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»¹. Это могло бы быть верным – как и считалось – при том, что законы объективны и неизменны. Однако, поскольку это не так, данный подход ведет к тому, что готовые теории начинают навязываться реальной истории (точнее говоря, истории, гораздо больше соответствующей известным фактам). Теория противопоставляется истории, а в разряд «мешающих случайностей» (Гуревич) часто попадают важнейшие моменты.

Поэтому применение логического метода как метода, дей-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

ствительно совершенно необходимого при моделировании, требует сугубой осторожности и проверки. При правильном использовании он есть процесс постоянного соотнесения теоретической конструкции с известными науке и автору фактами, нахождения их удовлетворительной интерпретации и установления связей с теориями иных уровней, а также постоянной коррекции логических выводов.

Есть смысл кое-что сказать о том, как вообще в принципе возможно описывать весь этот поток событий и фактов, случившихся с людьми за последние несколько десятков тысяч лет.

Подходы, естественно, сильно зависят от общего взгляда на историческое развитие. Одни полагают, что между обществами гораздо больше различий и «им не сойтись никогда», а следовательно, нерационально и неверно описывать всю историю как нечто внутренне единое. Другие, напротив, считают, что различия не столь важны, а сходства гораздо более существенны. Промежуточный взгляд сводится к тому, что часть обществ можно по сходству сгруппировать в определенные типы, но развитие последних идет как бы параллельно. Это есть, собственно, подход цивилизационный.

Есть и более специальные, обусловленные либо особыми исходными посылками, либо определенными задачами. Например, описание развития человечества как движения социальной формы материи. Можно представлять историю людей как часть развития природы и колебаний биосферы. Возможно применять кибернетический или синергетический подходы, причем делая упор как на схожесть и устойчивость, так и на различия и неустойчивость систем. Но все они, как и иные, не могут претендовать на полноту, и потому их нельзя абсолютизировать.

Встает также проблема, с какого «конца» описывать исторический процесс. Иными словами, начинать ли с изложения определенных фактов, из которых потом делать определенные выводы и затем строить концепцию, или же, напротив, описать концепцию, модель, систему категорий, затем все это доказывать известными фактами? Еще Декарт предлагал начинать исследование с самых простых вещей. Такая идея в общественных науках неоднократно

использовалась (конечно, не в чистом виде). Например, Спенсер открывает свои «Принципы социологии» с фактов, установленных социологией. Они касались главным образом жизни, представлений и идей первобытных народов. А затем уже он исследовал, как из зародыша, примитива, постепенно развиваются в зрелое, как из недифференцированного эволюционно возникает дифференцированное и специализированное. Как и любой метод, данный имеет свои преимущества (наглядность, упор на генезис, простота). Но он имеет и свои ограничения и изъяны. О важнейшем недостатке эволюционистских воззрений я уже говорил. В них не очень четко различались центральные и боковые линии развития. Отсюда и примеры разного качества, когда стадии переростков выдавались за закономерные этапы генерального развития. Такие ошибки коренились, конечно, в объективизме и универсализме, но частично проистекали и из описанного выше метода.

Ведь исторический процесс (наш объект) столь громаден, а количество относящихся к делу фактов столь велико, что общие теории, как справедливо замечал Поппер, никак не могут возникнуть в результате индукции из многочисленных наблюдений, а могут быть созданы в результате постановки вопросов и ответов, ответов, которые проверяются потом всеми возможными способами¹.

То или иное решение неизбежной дилеммы: вывести категории и прочее до приводимых фактов или потом, во многом зависит также от разработанности проблемы и подготовленности читателя. Очевидно, что идея исторического процесса отнюдь не нова, а целый ряд ее моментов общепризнан. Читатель также достаточно знаком с ней. Но раз свое исследование мы начинаем не с чистого листа и пустого места, то удобнее рассматривать исторический процесс не с исходного пункта или набора фактов, а целиком, как данность. Поэтому рациональнее строить нашу теорию сверху, а не снизу (при том, что эти понятия подвижны и условны и всегда являют на практике симбиоз, но с перевесом в ту или иную сторону). Говоря словами Карсавина, «сначала надо найти основначала, а потом с их помощью осмыслить исторический

¹ Один из таких способов заключается, используя мысль Гэлбрейта, в том, чтобы ответить на вопрос, образуют ли идеи теории единое целое или их приходится объединять насильно.

процесс»¹.

Следовательно, мы прежде отберем основные категории, принципы и идеи, увяжем их между собой, покажем главные этапы, а потом уже будем описывать исторический процесс со ступени на ступень.

Сейчас мы перейдем к объяснению этого метода более подробно. Но сперва надо уточнить еще соотношение категорий «теория исторического процесса» и «теория истории». Мне думается, что неправильно полагать их синонимами, поскольку первая составляет часть второй. По смыслу понятие «теория истории» предполагает анализ на базе и по поводу определенного количества или совокупности исторических фактов, явлений и процессов, которые, однако, совсем необязательно должны быть связаны между собой в единую систему. Напротив, здесь есть явления и процессы автономные, параллельные, замкнутые, изолированные и т. п. Теория истории — это собственно множество теорий, с помощью которых мы можем сравнивать исторический путь разных обществ, моделировать определенные процессы, объяснять особенности каких-то эпох, вариантов развития и т. п. В теории истории наличие единого предмета исследования в большей степени есть «результат определенной техники видения предмета»². Само собой, что она включает и столь любимые некоторыми теории среднего уровня.

В анализе исторического процесса мы делаем акцент как раз на поиск его единого русла, стремимся представить определенный объем фактов как поток взаимосвязанных между собой процессов (в модели и вовсе — как единый процесс). При этом единство нашего предмета обуславливается не только удобством исследования и гносеологией, но и в определенной мере онтологией (ибо здесь налицо системность и ретроспективно сегодняшний результат — интеграция). Разумеется, что эти различия нельзя возводить в абсолют.

Бегло очерчивая границы теории истории, можно сказать, что она, несомненно, связана с социологией истории (их объект во

1 Карсавин Л. П. Ук. соч. С. 16.

2 Солонин Ю. Н. К проблеме единства научного знания // Гуманитарий, № 1, 1995. С. 33.

многим схож, однако акценты различны), а также с методологией истории. На самом нижнем своем уровне теория истории во многом есть уже верхний этаж методологии истории, под которым располагается методология собственно историографических исследований, где преобладают историографические познавательные средства. Если же представить, что мы поднимаемся в плане все более абстрактных обобщений, то теория исторического процесса есть высший уровень теории истории. Но поскольку мы, фигурально выражаясь, строим это здание с крыши, она есть одновременно и центральная часть теории истории, ибо говорит о самых крупных и глобальных, сквозных процессах, крупномасштабном членении, основных линиях развития и тем самым структурирует и другие ее уровни. Но чем подробнее наша задача, тем сильнее теория исторического процесса трансформируется в этот момент в теорию истории.

В предыдущем параграфе было обосновано, почему необходимо развести всемирный и конкретно-общественный уровни исследования. Однако только разорвать, не ища связующие их моменты и переходы, соотношения и принципы, было бы в конце неверно. В настоящей работе, посвященной именно теории исторического процесса, я не ставлю перед собой цели обстоятельно решать такую объемную задачу. Но поскольку границы между уровнями условны, а для адекватного раскрытия нашей темы необходимы перспектива, определенный фон, контекст, а равно системность знания, некоторые направления такого синтеза я должен был обозначить.

И в этой связи особенно важно постулировать, что в моем понимании теория истории и есть та суперконцепция, которая объединяет полярные уровни исследования и заполняет пространство между ними. В этой области наработано очень много. Поэтому исследователь, который бы взялся за то, чтобы представить теорию истории как цельный массив знаний, прежде всего должен был бы систематизировать эти частные концепции и найти структурирующие их методологические идеи и принципы.

Итак, исторический процесс – это понятие, содержание которого составляет часть всемирной истории, описанной как

процесс, то есть в таком аспекте, когда огромный поток фактов упорядочен определенными законами и категориями, а также методологией и логикой.

Исследование исторического процесса должно отвечать одновременно двум противоположным требованиям: 1) не отрываться, по возможности, от реалий и действительного хода событий; 2) описывать развитие коротко, то есть выбирая из него самые главные факты и группируя их в определенной логической последовательности. Оптимального сочетания этих требований можно достичь (при прочих равных условиях), только используя другие, чем в историографии, научные и языковые средства. Конечно, в нашем случае они не должны быть столь формализованными, как в математике, но нельзя и думать, что они могут быть прямо приложены к конкретике. Следовательно, и сторонники, и противники генерализующих методов и концепций в первую очередь должны учитывать этот момент, иначе дискуссия становится бессмысленной. Практически все науки применяют особый язык, и часто он различен для статических и динамических (процессных) явлений. Этот символический язык должен иметь такие правила применения, чтобы его потом можно было «расшифровать» и приложить к практике.

Однако, используя теоретические средства, желательно для получения нужного результата пользоваться минимумом терминов, законов и прочего, не умножая сущности без необходимости. И если есть возможность обойтись уже имеющимися, лучше не изобретать новые. С другой стороны, однако, принцип экономии не самоцель. И если потребность в новых понятиях налицо, неправильно бояться их вводить.

Поскольку исторический процесс (равно как и его крупные этапы) относится к человечеству в целом, которое одно и сравнивать его не с чем, постольку, на мой взгляд, методологически правильнее всего строить теорию именно как модель исторического процесса. Философия (а равно крупная теория) «есть совокупность некоторых правил интеллигибельное или понятности»¹. Используя мысли Мамардашвили относительно сознания,

¹ Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 16.

можно сказать, что для теории исторического процесса понятие «исторический процесс» – предельное и поэтому данная теория «есть некая попытка работать на этом пределе»¹. Следовательно, тут требуется «особая техника предельных переходов, где последние служат для прояснения непонятной ситуации и превращения ее в понятную»².

В связи со сказанным выше надо отметить принципиально важный момент. Объем теории столь велик, задачи столь сложны, что есть опасность загромоздить концепцию, затемнить ее массой не столь важного материала. Поэтому для подобного моделирования надо использовать лишь такие «составные части» и «детали», которые нам кажутся безусловно необходимыми. Но, с другой стороны, наряду с умением отбросить то, что в данном случае будет выглядеть неважным, нельзя допустить, чтобы схема стала совсем «голой». Поэтому в необходимых случаях нужно оттенять и прояснять основную линию рядом дополнительных.

При таких принципах указанная модель могла бы послужить своего рода масштабной сеткой при анализе исторического развития и облегчила бы проблемы более точной локализации отдельных обществ и периодов в рамках всего процесса.

Итак, мы имеем право и даже должны ограничиться лишь наиболее необходимыми моментами, сознательно огрубляя реальность. Нет нужды исследовать слишком много линий и направлений, самое трудное – правильно определить основные.

Мы будем использовать две главные линии (или среза), которые, будучи крайними измерениями, составят, образно говоря, систему координат. Точнее говоря, это группа или пучок линий, но в них мы выделяем центральные, а иногда – равнодействующие или средние. Тут мы пытаемся соединить два принципа моделирования: найти общее во всех обществах какого-то уровня и в то же время показать разные линии эволюции, в смысле прогрессивности – тупиковости, неравноправность развития в плане движения к новому, к современности. Отбрасывая любой из них, мы неизбежно допускаем серьезный перекосяк в анализе. Идея

1 Мамардашвили М. К. Ук. соч. С. 15–16.

2 Там же. С. 16.

рисовать мировой исторический процесс, «сведя все к нескольким прославленным народам, которые сменяли один другого на мировой сцене, и к некоторым главнейшим эпохам, каковые принесли с собой перемены для рода человеческого»¹ при всей несомненной верности мысли о том, что вклад разных обществ в прогресс человечества очень различен, была справедливо отвергнута. Но и представление о том, что все народы развиваются по одним и тем же универсальным законам (только неодновременно), также оказалось несостоятельным. Тем более неправильным было выводить такие универсальные модели из истории отдельных обществ. Этот «эталонный», как его называл В. П. Илюшечкин, метод был одной из важных методологических ошибок исторического материализма. Но в то же время попытки просто сравнить такие передовые, проходные общества с отсталыми и тупиковыми путем надстраивания теории или расширения некоторых понятий (типа собственности), не могли увенчаться успехом. И в этом одна из причин того, что изыскания самого Илюшечкина не достигли поставленной цели.

Уравнять общества-первопроходцы с теми, что шли в их фарватере или вовсе в другую сторону, сложно даже в социологии истории. Тем более это невозможно сделать в теории исторического процесса. Следовательно, мы должны построить такую систему координат, одна ось которой показывает сходство в строении, функциях, уровне развития, а вторая – направления и места прорывов, в результате чего сформировались такие модели развития, которые так или иначе трансформировали все остальные. Мы обозначим эти оси как горизонтальную линию, или **горизонталь**, и вертикальную, или **вертикаль**. Эти понятия используются в нашей литературе. Нередко им придают такое значение: «вертикаль» — «поступательно-прогрессивная смена общественных формаций», «горизонталь» — сосуществование разноуровневых обществ, их взаимодействие»².

Это вполне законный смысл, но в данном случае я бы хотел придать терминам иной. Горизонталь – это разнообразие об-

1 Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993. С. 182–183.

2 Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1988, № 10. С. 48.

ществ одной формации на определенном этапе (лучше всего – в этапе зрелости, когда собственные черты появляются наиболее зримо) независимо от времени (ведь общества вступают в формацию неодновременно).

Мы, следовательно, должны выделить основные характеристики-категории, которые являются синтезом определенных сходств разных подсистем обществ. Но в каждом обществе данного периода они проявляются по-разному и имеют для него различное по важности значение. Из этих характеристик-категорий мы и составляем горизонталь (модель по горизонтали). Она должна охватывать все (или почти все) общества определенного периода (формации) как достигших некоего уровня. При этом мы исходим из идеи равноправности и равнозначности любых систем и организмов, достигших данного уровня¹. Следовательно, в таком аспекте формация «не списывается» с какого-то «эталонного» общества, а включает в свое содержание ряд вариантов и подвариантов. Следовательно, то общее, что мы выделяем по горизонтали, должно быть весьма абстрактным, отвлеченным, сепарированным и не иметь ясных конкретных черт.

В отличие от горизонтальной, модель по вертикали не предполагает равноправности обществ. Вертикаль – это линия движения человечества от прошлого к будущему, но движения качественного, то есть от низшего к высшему. Развитие обществ идет не по одному направлению, поэтому перед нами целый ряд вертикальных линий. Но поскольку перспективными в конечном счете оказываются лишь некоторые из них, в модели исторического процесса основой для нас будет генеральная линия. Это понятие вбирает в себя идею о том, что развитие к новому качеству неодинаково в разных обществах не только по времени. Многие общественные системы вообще не могут самостоятельно перейти к новой формации (или к ее высшим этапам), а другие неспособны сделать это как независимые организмы.

Когда мы рассматриваем переход от одного (низшего) к другому (высшему) качеству, мы помним, что такой переход перво-

¹ Сама процедура установления такого уровня и сравнения с ним общества сейчас не рассматривается, о ней мы будем говорить в своем месте.

начально совершается в немногих или одном месте. Он является итогом развития не только самого вырывающегося вперед общества, но и всего человечества (его части). Поэтому генеральная линия есть синтезированная, собирательная линия исторического процесса. Она показывает узловые его моменты, прежде всего переход от одной формации к другой или от одного этапа формации к другому. Это не проекция пути каких-то обществ, регионов или цивилизаций. Мы ее как бы складываем, суммируя развитие ряда передовых (для каждого этапа) социальных организмов, поскольку ни одно общество не проделало такой путь, а только все человечество в целом. При этом важно заметить, что ни одно государство не может быть постоянно в лидерах, и даже не было случая, чтобы оно оказалось впереди в течение всей формации. Говоря образно, генеральная линия – это «эстафетная дорожка» всемирно-исторического процесса, на которой сменилось много «бегунов», передавая друг другу эстафету.

Следовательно, генеральная линия – это линия нового, принципиально неизвестного, а потому нетипичного, то есть мутаций и скачков. Ведь типичное, как правило, не рождает чего-то качественно нового, которое появляется в местах наилучшего сочетания особых, дотоле неизвестных и небывалых условий. Например, долгое время типичным было подавление государством частной собственности, но там, где это не имело места, общества иногда добивались больших успехов (в тех же Афинах). Обычным было стремление государств к единовластию (монархии), но там, где демократия утверждалась, могло появиться и нечто особое. Общим было использование в основном ручного труда и в лучшем случае водяной и ветровой энергии. Но там, где удалось «запрячь» энергию пара, произошли коренные перемены. И только когда новое утверждается, оно может становиться типичным.

При таком подходе путь человечества оказывается как бы «выпрямленным», а боковые ветви развития служат лишь «фоном» для объяснения особенностей исторического процесса человечества. Если корректно такое сравнение, это напоминает схему развития жизни от простейших до человека, когда важнее

для данной научной задачи показать преемственность этапов жизни, чем разнообразие ее форм¹.

Разумеется, генеральную линию можно проводить по-разному, поскольку ведущую роль будут играть те факторы, которые ученый, полагая их более важными, кладет в основание своей теории и периодизации. Но важно подчеркнуть, что при всех различных подходах к выделению генеральной линии в значительной мере они все же и совпадают, что косвенно подтверждает плодотворность и самой идеи конструирования такой линии, и мысли о желательности интегрировать разные концепции.

Поскольку для перехода к новому нужен комплекс особых условий, постольку в этих бифуркационных точках как бы сходятся генеральные линии отдельных институтов и общественных систем. Например, новой религии (христианства) и античных культуры, государственности и права; частной собственности, мировой торговли и технического прогресса; конституционных форм правления, буржуазных отношений и протестантизма и т. д. И чем больше таких линий собирается в одном месте, тем неожиданнее и сильнее может быть эффект рывка и перемен. Таким образом, исторический процесс точнее представлять как ряд или даже массу линий и их сложных переплетений. Однако для больших масштабов достаточно говорить о единой линии². Зато чем меньший отрезок или объем мы рассматриваем, тем больше обращаемся к дополнительным линиям, но если не иметь общей модели, выделить из них наиболее важные оказывается часто невозможно. Учитывая сказанное, станет понятно, почему иногда я позволяю себе термины вертикаль и генеральная линия употреблять как синонимы.

Указанное движение вверх удастся моделировать точнее, если иметь определенную шкалу измерения, то есть периодиза-

1 Возможен и такой пример. Если мы задумали проследить генеалогию, скажем, царя, то мы в каждом поколении будем сталкиваться с десятками людей, родственных его прямым предкам. Кто-то из них может нас интересовать по разным основаниям (прежде всего, по близости, влиянию на этого предка или по сходству с ним). Но это лишь фон. Они могут быть гораздо более значительными личностями, но у них нет главного для нашего внимания – быть прямым предком интересующего нас монарха.

2 Для некоторых периодов правомерно намечать больше одной генеральной линии. До какого-то момента они потенциально равноправны (параллельны), а затем сходятся или, напротив, расходятся.

цию, которая может быть в зависимости от масштаба задачи более или менее подробной. К некоторым делениям на такой «шкале» мы можем провести и гори горизонтали, показывающие те принципиальные сходства, которые удается увидеть и выделить для данного уровня. При этом горизонталь и вертикаль, то есть типичное и нетипичное будут оттенять друг друга. И в рамках всего исторического процесса и каждой формации указанные горизонтальное и вертикальное измерения являются для обществ и их групп, образно говоря, историческим «ростомером». Но в модели формации при необходимости мы можем, конечно, использовать и более тонкие процедуры.

Как и вертикальных, горизонтальных линий также много больше одной. Например, можно указать на линии отклонения от типичного в обе стороны. Они, безусловно, необходимы, когда какой-то аспект проблемы требует уточнений и пояснений. Однако в рамках общей теории исторического процесса все же главное их назначение в том, чтобы оттенить общее, то есть основную, центральную горизонталь. Поэтому в целом они являются дополнительными и вспомогательными, хотя и весьма важными.

Чем подробнее мы исследуем исторический процесс, тем больше вариантов и подвариантов попадает в поле нашего зрения, и тем, фигурально говоря, «ветвистее» становится схема. И если бы мы задумали провести все более-менее заметные горизонтальные и вертикальные линии развития, то получилось бы нечто, напоминающее сеть.

Правильнее будет оговориться, что все эти образы используются только для наглядности, а выражения, употребляемые для удобства объяснения, имеют языковое, а не онтологическое значение. Они, говоря словами Карнапа, просто включены в «языковой каркас» теории и выполняют служебную роль.

Важно отметить, что для моделирования генеральной линии методологически важнейшими являются прежде всего варианты, когда общества в основном самостоятельно переходят к новым рубежам. Ведь когда новое качество уже наглядно проявляет свои преимущества, модель его развитая начинает заимствовать-

ся, приспособливаться к новым условиям, модифицироваться. В результате меняются движущие силы развития и сам ход истории. Ясно, что без такого мощного ускорения смена формаций немислима. И не учитывать этот момент в теории исторического процесса невозможно.

Среди моделей перехода к новому, помимо самостоятельной, можно выделить: связанные с модернизацией, когда производительные силы и многие общественные институты прямо заимствуются; насильственного реформирования, подобно тому, что делалось в некоторых колониях или в оккупированных странах (например Япония после 1945 г.); подтягивания отсталых районов к передовым в рамках одной страны и ряд других. Но везде причины и мотивация изменений сильно отличаются от того, что было в обществах-первопроходцах. Поскольку же многие страны не дозрели до таких перемен, к которым принуждаются внешними обстоятельствами, их общественная структура и отношения приобретают весьма особый вид, анализировать который, основываясь лишь на первичной модели, невозможно. Эту ошибку, однако, часто допускают, например, прикладывая особенности капиталистического развития Англии к странам догоняющим: России, Японии, Турции и т. д. Чтобы исследовать такие варианты в теории исторического процесса, требуются дополнительные разработки и методики.

Само собой, что все варианты развития и перехода имеют огромное теоретическое значение и интерес. Но в плане основной канвы теории исторического процесса и с учетом наших ограниченных возможностей для нас важнее всего показать причины смены старого на самом начальном этапе, когда процесс еще неясен и скрыт, когда его будущее непонятно. И сделать это методологически более правильно на модели «чистой» или достаточно чистой¹.

Сравнивая ее потом с другими моделями перехода, мы мо-

¹ Недаром же исследователи, изучающие такие переломные процессы, как переход к земледелию, образование государства, промышленная революция и т. п., очень часто говорят о первичных и вторичных процессах, моделях и т. п. Недаром же для объяснения событий первобытной истории, совершившихся тысячи лет назад, всегда с определенным сомнением используют данные этнографии.

жем увидеть, где здесь результат общего, а где особенного, национального, поймем, какие черты перехода могут варьироваться, а какие должны копироваться у первичной модели; попытаемся установить баланс закономерного и случайного в этой ситуации; увидеть, какие линии сошлись в данном месте и времени и т. п. Поэтому в настоящем исследовании вторичные и третичные модели, конечно, будут анализироваться, но гораздо меньше, чем первичная, ибо в аспекте наших задач они прежде всего оттеняют вариант самостоятельный.

Однако если мы строим модель отдельной формации, пропорции несколько меняются. Теперь уже исторический процесс становится фоном, и тогда фактически объем исследования данной формации, по сравнению с объемом ее в общей теории исторического процесса, существенно расширяется за счет того, что мы должны «прихватить» часть «территории» у соседних с ней формаций. Ведь замена одной формации другой – процесс весьма длительный, и они сосуществуют. Отсюда, при анализе переходного периода, где новая формация идет на подъем, а старая – на спад, в рамках теории исторического процесса, мы уделяем большее внимание именно новой, а в рамках модели отдельной формации – как раз старой. В этом последнем случае, конечно, нельзя ограничиваться одной только линией, только «передовым регионом», чтобы не создалось «ошибочное представление о полном совпадении его истории со всемирной историей»¹.

Противопоставив таким образом моделирование исторического процесса в целом и исследование отдельной формации, нужно подчеркнуть, что фактически модель исторического процесса, когда мы уже охватили ее периодизацией и главными линиями, далее «собирается» как раз из моделей ее основных частей-формаций. Однако такое «крупноблочное» строительство требует особого напряжения в местах «стыков», то есть переходных эпох, когда еще не совсем ясное и слабое новое вырастает из зрелого и консервативного старого и долгое время сосуще-

¹ Периодизация всемирной истории. С. 13. «Выделение ведущей тенденции определяет эпоху в главном и основном — в ее внутренней тотальности; плоть и кровь этой эпохе сообщает определение совокупности как главных, так и побочных тенденций, выраженных в тотальных и локальных структурах». (Там же).

ствуется с ним. Здесь-то и нужна «техника предельных переходов». Именно здесь и происходит частичное опускание («укорачивание») жизни старой формации, которая теперь становится прежде всего фоном развития новой.

Надо также видеть, что и каждая «деталь» формации не монолитна, а в свою очередь состоит из менее крупных, но все еще весьма абстрактных вещей. В принципе такое дробление можно проводить до самых нижних уровней, что доказывает определенное единство общего поля теории истории. Но, конечно, при опускании ниже определенного уровня абстракции такой прием теряет свою методологическую ценность или становится уже не основным, а дополнительным.

В заключение главы хотел бы еще раз оговориться. Пусть у читателя не создается мнение, что теоретизирование по поводу исторического процесса есть полная творческая анархия. Напротив. Только по возможности точно соотнеси исследуемую реальность (насколько она известна специалистам и теоретику) и те средства, которые мы имеем для ее познания и описания, мы сможем найти, отобрать или изобрести наиболее емкие и верные приемы для решения нашей задачи. Но это только первая часть проблемы. Вторая же заключается в том, чтобы проверить правильность и продуктивность созданной теории. Однако этот груз ложится на плечи уже не только автора, но и читателей, и критики.

(Продолжение следует)